
СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТЬ	3
ШКОЛА	16
«РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ...»	31
ВЫБОР	49
ИСПЫТАНИЕ ТИШИНОЙ	66
«РУССКИЙ ХАРАКТЕР»	77
СУДЬБА	103

ПАМЯТЬ

Навечное обязательство живых перед павшими за общее дело, невозможность забвенья, неизбывное ощущение как бы себя в них, а их в себе,— так приблизительно можно определить эту мысль и чувство.

А. Твардовский

В одном из своих романов, остро ставящем нравственную, гражданскую проблематику, утверждающем понятия чести, долга, совести в мирное уже, только начавшее свой стсчет послевоенное, но обманчиво тихое время, в романе, который так и называется «Тишина», Юрий Бондарев сталкивает у буфетной стойки двух молодых людей: один — бывший шофер «катюши», сержант, а ныне просто инвалид, Павел, другой — вернувшийся в Москву капитан-артиллерист Сергей Вохминцев. Удивляясь его званию, Павел спрашивает:

«— А ты капитан? Когда же успел? С какого года? Лицо-то у тебя...

— С двадцать четвертого, — ответил Сергей.

— Счастли-и-вец, — протянул Павел и повторил твердо: — Счастливец... Повезло.

— Почему счастливец?

— Я, брат, по этим врачам да комиссиям натаскался, — заговорил Павел с хмурой веселостью. — «С двадцать четвертого года? — спрашивают. — Счастливец вы. К нам, — говорят, — с двадцать четвертого и двадцать третьего редко кто приходит».

Перебирая имена многих запомнившихся и полюбившихся героев Бондарева — капитана-артиллериста Бориса Ермакова (повесть «Батальоны просят огня»), командира батареи Дмитрия Новикова («Последние зал-

пы»), бывшего командира роты, а после войны инструктора автоклуба Алексея Грекова («Родственники»), лейтенанта Кузнецова («Горячий снег»), наконец командира артиллерийского взвода Никитина (роман «Берег»), мы легко заметим, что все они принадлежат к тому же, что и Вохминцев, поколению. К поколению, встретившему войну в восемнадцать мальчишеских лет и понесшему от ее смертоносного серпа наибольший урон.

Двадцать четвертый — год рождения Юрия Бондарева.

Он родился 15 марта 1924 года на Урале, в Орске, в семье народного следователя, восьмилетним мальчиком переехал вместе с родителями в Москву. Школу-десятилетку сменила школа войны.

Рассказывая об истоках своего писательства, о том, как создавались произведения, принесшие ему известность, Ю. Бондарев замечает: «Повести «Батальоны просят огня» и «Последние залпы» родились, я бы сказал, от живых людей, от тех, которых я встречал на войне, с которыми вместе шагал по дорогам сталинградских степей, Украины и Польши, толкал плечом орудия, вытаскивал их из осенней грязи, стрелял, стоял на прямой наводке, спал, как говорят солдаты, на одном котелке, ел пропахшие гарью и немецким толлом помидоры и делился последним табаком на закрутку после танковой атаки».

Его юность, опаленная войной, познавшая нечто такое, что другому человеку не узнать в течение всей его жизни («Нам было тогда и по двадцать лет и по сорок одновременно», — сказал он о своем поколении), настолько драматична, что, кажется, уже в силу одного этого требовала своего запечатления в слове, требовала осмысления тех страшных и героических событий, которые четыре года переживала наша Советская Родина.

Боже мой! Три процента выжило из этого поколения. Как мало осталось их сегодня! Кто уцелел от

цуль и осколков, того добивали болезни, вызванные страшным перенапряжением сил.

И вот эти немногие, уцелевшие в огненных смерчах, эти восемнадцатилетние в сорок первом и сорок втором — они-то, их поколение, и делегировали в литературу внушительное число писателей, отмеченных ярким нравственным и художественным даром. Виктор Астафьев, Владимир Богомолов, Юрий Бондарев, Василь Быков, Константин Воробьев, Юрий Гончаров, Евгений Носов — эти советские прозаики сказали свое слово о войне. В их произведениях начала нравственное и эстетическое слиты, неотрывны, в них нет и следа от попыток «облегчить», «высветлить»; они доказывают, что не «немногим» были обязаны многие, но «многим», очень многим, своими телами уложившим широкую дорогу от Москвы до Берлина...

Когда наконец прервался сплошной огненный шквал, бушевавший четыре года, те, кто уцелел и вырвал победу, вернулись домой. Им еще казалось, что восстановится прежняя, полузабытая беспечная жизнь, о которой они мечтали там как о сказочной яви. Этой надеждой жил и Сергей Вохминцев, герой «Тишины». Вернувшись в родную Москву, он «все время ждал прежней мальчишеской легкости, теплых июльских дней, всплеска весел и фонариков на Москве-реке в сумерках, спорящего голоса Витьки Мукомолова, его белой майки, обтягивающей сильные плечи. И Надю в летнем платье, с загорелыми коленками. Это было. Витька Мукомолов погиб в ополчении. И Нади нет. Погибли все, кого он знал в девятом и десятом классах...».

И в повести «Юность командиров» бывшие фронтовики после отбоя, когда училище погружалось в тишину, вспоминали тех, кого больше не увидят никогда. «Понимаешь, Алеша, странно все, — говорит своему однопольчанину курсант-артиллерист Дроздов. — Прошел

войну, остался жив, вот теперь в училище... А Леша Соловьева нет. И знаешь, странно, глупо погиб... Никогда я этого не забуду, никогда!..

— Я помню Лешу, — тихо сказал Алексей».

Память о погибших мучила оставшихся в живых. Она принесла раннюю взрослость, которую в обычное, мирное время люди обретают в сорок лет. Она понуждала мерить собственные дела и поступки строгой мерой ответственности за тех, не пришедших назад.

Лежат они, глухие и немые,
 Под грузом плотной от годов земли —
 И юноши, и люди пожилые,
 Что на войну вслед за детьми пошли,
 И женщины, и девушки-девчонки,
 Подружки, сестры наши, медсестренки,
 Что шли на смерть и повстречались с ней,
 В родных краях или на чужой сторонке,
 И не затем, чтоб той судьбой своей
 Убавить доблесть воинов мужскую,
 Дочерней славой — славу сыновей, —
 Ни те, ни эти, в смертный час тоскуя,
 Верней всего не думали о ней...

(А. Твардовский)

Эта память напоминала о себе внезапными толчками, как бы мгновенными обмороками, снами наяву, когда увиденная знакомая частность, подробность вызвала неожиданную ответную волну ассоциаций, перенося в те огневые годы: «И вдруг прощальные гудки паровозов, вечерние облака, багрово подсвеченные снизу закатом, и запах нефти от рельсов, и дымы по горизонту, и купа деревьев за вокзальными зданиями, будто черным вырезанные по красному, — все это словно толкнет в грудь. Память... Только что ты был спокоен, теперь этот покой исчез. Еще нет цельной картины, есть лишь ощущения, горячие, как тогда... Но когда это было? Может быть, вчера?»

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66